

Перед тем как войти в комнату, Бай Ли уже продумал, как именно будет играть.

Но когда Ци Шо встал напротив, чтобы подыграть ему, на мгновение у Бай Ли возникло ощущение, будто он совсем не умеет играть.

К счастью, главной особенностью Вэнь Юньцина как персонажа-функции была слепая и безумная влюбленность в Шэнь Няньчэня.

Это было до боли похоже на самого Бай Ли.

Поэтому перед лицом Ци Шо ему даже не пришлось специально вживаться в роль — его собственный синдром влюбленной марионетки уже работал на полную мощность!

Казалось, Ци Шо не замечал то одновременного жгучего, то избегающего взгляда Бай Ли. Он совершенно естественно забрал у него из рук сценарий для прослушивания, бегло просмотрел его, а затем вернул обратно со словами:

— Если готовы, давайте начнем.

Бай Ли с деланным спокойствием кивнул, отложил рюкзак и сценарий, откинул со лба челку, обнажив гладкий лоб, и весь его облик мгновенно изменился: детская холодность сменилась резкой и аристократичной утонченностью.

Сцена, выбранная для прослушивания, была тем моментом, когда Вэнь Юньцин впервые появляется в тексте как персонаж-функция.

К тому времени уже год как прошел с тех пор, как Линь Чжинянь отверг Шэнь Няньчэня.

Вэнь Юньцин проследил за взглядом Шэнь Няньчэня и увидел стоявшего в толпе мужчину — изящного и статного, словно бессмертный журавль или облако.

То, что Шэнь Няньчэнь мог полюбить кого-то другого, казалось Вэнь Юньцину настолько внезапным и прямым ударом, что он рухнул на землю, не успев даже подготовиться.

Вэнь Юньцин заприметил одну картину и с пылом попытался указать на нее Шэнь Няньчэню, но долго не получал ответа.

Стоило лишь взглянуть, и Вэнь Юньцин тут же понял, с какими именно чувствами Шэнь Няньчэнь смотрит на того человека.

Какое красивое имя. Стоило повторить его про себя, как повеяло ароматом гардении.

Вэнь Юньцин, опустив взгляд, последовал за Шэнь Няньчэнем в сторону того человека, чувствуя, как внешне сдержанные, но неспособные скрыть спешку шаги Шэнь Няньчэня отзываются в его глазах почти безумной ревностью.

К счастью, растерянность и досада на лице Шэнь Няньчэня не были скрыты ни капли, и это заставило Вэнь Юньцина вновь увидеть забрезживший свет.

Радость Вэнь Юньцина не продержалась и нескольких секунд, рухнув от одной лишь фразы.

Оказывается, того человека звали Линь Чжинянь.

Но разве это не повод для радости? Это значит, что у него все еще есть шанс!

Шэнь Няньчэнь повернул голову и бросил взгляд на картину, которую только что присмотрел Вэнь Юньцин. Уголки его губ изогнулись в игривой улыбке, и он произнес:

— Тебе нравится эта? Тогда я познакомлю тебя с ее автором.

Весь этот год Шэнь Няньчэнь отчаянно пытался забыть Линь Чжинянь. Он думал, что у него отлично получается, и даже не стал возражать, когда Вэнь Юньцин, только что вернувшийся из-за границы, попросил взять его с собой на вечеринку в художественной галерее.

Вэнь Юньцин бросил взгляд на табличку с описанием рядом с картиной.

Они ведь не были вместе!

Почему тот человек не принял Шэнь Няньчэня?

Вэнь Юньцин не мог найти причину, его охватывали злость и обида, но еще сильнее — облегчение и радость.

Ведь столько лет он точно так же смотрел на Шэнь Няньчэня, но лишь сегодня с такой ясностью осознал, что никогда по-настоящему не проникал в его сердце.

С сегодняшнего дня гардения станет его самым ненавистным цветком, без вариантов!

— Брат Чэнь, как тебе эта картина? ...Брат Чэнь?

Он знал, как жалко это выглядит, но после стольких лет тайной любви Вэнь Юньцин не мог заставить себя просто так все бросить.

Когда он повернулся обратно к Шэнь Няньчэню, то заметил, что взгляд того прикован к кому-то в толпе.

Беспомощность, обида, ревность, досада — все эти негативные эмоции единым потоком хлынули наверх, заставляя глаза Вэнь Юньцина помимо его воли покрываться слезами.

Ведь он знал: внезапная перемена в настроении Шэнь Няньчэня была вызвана вовсе не им самим и не этой картиной, а тем, кто ее написал.

И уж тем меньше он ожидал встретить на вечеринке Линь Шутуна.

.

— Мое прослушивание окончено, спасибо всем мастерам.

От редких хлопков до дружных аплодисментов прошло секунд десять; многие лишь под влиянием всеобщего шума пришли в себя и поспешили присоединиться, чтобы выразить восхищение игрой Бай Ли.

Стоило Бай Ли произнести первую реплику, как каждого присутствующего захватило происходящее на импровизированной сцене.

Поэтому, когда Бай Ли четко и резко оборвал эмоции, вернувшись в образ холодного и прекрасного невинного цветка, никто еще не успел до конца выйти из созданного им состояния.

Даже понимая, что Вэнь Юньцин — это безмозглый злодей-помощник, созданный лишь для продвижения сюжета, в то мгновение все словно увидели и его чистую сторону: он разбирался в искусстве и обладал тонким вкусом, раз сумел с первого взгляда выбрать именно картину Линь Чжиняня.

Вот только позже ревность затуманила ему разум, заставляя раз за разом сворачивать на ложный путь и в конце концов кануть в бездну.

Если бы в самом начале, осознав, что сердце Шэнь Няньчэня занято, он гордо удалился или полюбил кого-то другого, обретя собственное счастье, его жизнь сложилась бы совершенно иначе.

При этой мысли на душе у каждого заскреблось смутное сожаление.

К Вэнь Юньцину... кажется, уже не было прежней ненависти?

Линь Шутун, хлопавший вместе со всеми, поначалу был вполне доволен выступлением Бай Ли.

В конце концов, человеку столь холодной и яркой внешности для столь эмоционального выхода могло потребоваться время на раскачку.

Но Бай Ли вошел в образ буквально за секунду, безупречно передав целую гамму мгновенно сменяющих друг друга чувств Вэнь Юньцина.

От наивного восхищения до горькой ревности — он идеально выдержал баланс, не скатываясь в излишнюю карикатурность и не вызывая отторжения.

Подумав об этом, Линь Шутун бросил взгляд на погруженных в задумчивость коллег, и сердце его внезапно тревожно екнуло: не к добру.

Линь Чжинянь еще не утвержден, а все уже склоняются к Вэнь Юньцину. Это... разве правильно?

Хотя зрители любят шутить над извечными штампами сериалов — мол, преданный главный герой создан для любви с главным умом/бедняжкой, а страдающий второй любовник — чтобы вызывать у публики слезы умиления.

Но этот самый страдающий второй любовник Вэнь Юньцин по сценарию был откровенным злодеем и пушечным мясом.

Если зрители при просмотре сериала свернут не туда в своих симпатиях, то кто тогда вообще будет шипперить Шэнь Няньчэня и Линь Чжиняня?!

В то же время Линь Шутун не мог не восхищаться тем, сколько сил Бай Ли вложил в проработку характера персонажа, раз сумел несколькими репликами и взглядами оживить Вэнь Юньцина.

Сценарий, который им выдали для проб, занимал всего две-три страницы.

На первой крatically краткое досье: возраст, профессия и прочая основная информация.

Остальное — текст сцены, обычно состоявший из скупых ремарок и коротких диалогов.

Персонаж Вэнь Юньцина вовсе не должен был прослушиваться на этом этапе.

Больше всего все они спешили утвердить на роль Линь Чжиняня, чтобы он мог поскорее освоиться с Ци Шо и наладить контакт, а остальных героев можно было подбирать не спеша.

То, что Бай Ли досталась именно эта роль, казалось странным даже самому Линь Шутуну.

И кто вообще додумался отправить сценарий Вэнь Юньцина именно Бай Ли?

Бай Ли не обращал внимания на чужие взгляды — он с любопытством смотрел на работавшие по углам четыре камеры.

Эти аппараты фиксировали весь процесс проб актеров, чтобы позже использовать часть материала для промо-роликов или закулисных историй.

Ему ужасно не терпелось взглянуть на то, что только что удалось снять.

В собственных актерских способностях он ни капли не сомневался: если бы он завалил такой крошечный отрывок, то зря потратил бы последние шесть лет.

Больше всего его волновало другое — насколько гармонично они с Ци Шо смотрелись в одном кадре!

— Режиссер Линь, можно взглянуть на запись?

Линь Шутун опомнился и, встретившись взглядом с холодным и прекрасным лицом Бай Ли, вдруг понял, что сам попал под очарование сыгранного им Вэнь Юньцина — отказать было просто невозможно.

Хорошие актеры всегда пересматривают отснятый материал после сцены, выискивая недостатки, и если условия позволяют, требуют повторного дубля даже строже режиссера.

Линь Шутун мысленно накинул Бай Ли еще пару баллов.

Какой талантливый актер.

— Можно.

Бай Ли с улыбкой кивнул Линь Шутуну в знак благодарности.

Эта искренняя улыбка на его лице напомнила лучи солнца, пробивающиеся сквозь толщу льда, отчего на душе мгновенно стало теплее.

Наблюдавшие за ним люди тоже невольно разгладили нахмуренные брови, окончательно возвращаясь из мира грезы в реальность и мыслями разделяя Вэнь Юньцина и Бай Ли.

В сердце каждого из них Бай Ли поселил зернышко, которое непременно должно было взойти: будь то Вэнь Юньцин или сам Бай Ли, кто-то из них просто обязан обрести счастье.

В комнате находилось четыре камеры, выполнявшие роль мониторов: две снимали играющих актеров, еще две — наблюдавших за ними зрителей.

Получив разрешение, Бай Ли тут же направился к мониторам.

Строго говоря, Бай Ли волновало вовсе не то, как получился он сам — ему не терпелось оценить, как в кадре выглядит Ци Шо.

И практика показала, что внешность Ци Шо выдержит любое испытание.

Даже под убийственным светом софитов со всех сторон он по-прежнему оставался невероятно, ослепительно хорош собой!

И правда, лицо, которое я любил столько лет...

К тому же, как же здорово они подходили друг другу с Ци Шо!

Рост Ци Шо составлял почти метр девяносто — он был одним из самых высоких среди актеров, из-за чего партнершам порой приходилось несладко во время крупных планов, ведь вдвоем в кадр они просто не помещались.

Но с ним все было иначе.

Рост Бай Ли составлял метр семьдесят восемь, что при округлении давало метр восемьдесят; ему достаточно было лишь слегка приподнять подбородок, чтобы встретиться взглядом с лицом Ци Шо. Благодаря этому и средние, и крупные планы позволяли поймать их лучшие ракурсы.

Если сложить все четыре ракурса вместе, картинка выглядела донельзя гармоничной — разве это не идеальная пара?!

Ци Шо не стал смотреть запись вместе с Бай Ли и спокойно вернулся на свое место.

Он впервые ощутил, что в его присутствии чье-то чужое внимание может быть направлено не на него.

Впрочем, Ци Шо ничуть не рассердился — напротив, пока никто не видел, уголки его губ тронула едва заметная улыбка, выдавшая его тайное удовлетворение.

— Кхм.

Ци Шо легко кашлянул, и все взгляды вновь устремились на него.

Лишь тогда кое-кто с опозданием сообразил, что все это время пялился на Бай Ли, и это... тоже попало на пленку?

— Если всех все устраивает, пока остановимся на этом.

Бай Ли, только что отошедший от мониторов, замер.

Что, его утверждают на роль Вэнь Юньцина?

Растерянный Бай Ли бросил взгляд на Юань Чэнси, сидевшую рядом с Ци Шо — выражение ее лица было точно таким же изумленным.

Да ни за что на свете Юань Чэнси не согласилась бы отдать Бай Ли роль Вэнь Юньцина! Ведь для нее он был единственным и неповторимым Линь Чжинянем!

Юань Чэнси торопливо подала голос:

— Учитель Ци, может, подумаете еще?

Ци Шо повернулся к ней:

— У сценариста Юань есть возражения? Ладно, давайте обсудим это после проб. — С этими словами он перевел взгляд на Бай Ли и одарил того стандартной дежурной улыбкой: — Результаты прослушивания мы сообщим вашему агентству позже. Спасибо, учитель Бай Ли, что пришли.

— С-спасибо...

Бай Ли остолбенел.

Неужели все его маленькие хитрости пошли прахом?

Хотя он пробовался на роль Вэнь Юньцина, всю эту сложную подготовку перед началом он затеял именно для того, чтобы все подумали: он гораздо лучше подходит на роль Линь Чжиняня!

Он вовсе не собирался играть несостоявшегося насильника Вэнь Юньцина, он хотел быть Линь Чжинянем, который сможет мило и тесно переплетаться с Шэнь Няньчэнем, крутя с ним самый настоящий роман!

Ох-ох-ох, неужели это моя вина, что я слишком хорошо играю?

<http://bllate.org/book/22088/2296883>